

КАЙН

КОРНИЕНКО АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

психологический боевик — антиутопия

18+

Александр Корниенко

Кайн

«Автор»

2026

Корниенко А. С.

Кайн / А. С. Корниенко — «Автор», 2026

Тьма отступила, но пепел остался. Для Кайна путь через руины Города Райских птиц стал дорогой к самому себе. В мире, где смена власти — лишь прелюдия к настоящему хаосу, он больше не исполняет приказы. Маски сброшены: амбиции Коуэла, манипуляции Викэла, Менсента и цена свободы — всё сплелось в один узел. Конец одной войны, это начало жизни, вырванной из зубов системы. Кто останется в живых, когда город изменится навсегда?

© Корниенко А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. Обещание	7
ГЛАВА 2. Минуты радости	10
ГЛАВА 3. Очаг всего зла	15
ГЛАВА 4. Трагедия, омытая кровью	24
ГЛАВА 5. Возводя стены	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Корниенко

Кайн

© Александр Сергеевич Корниенко, 2026

ISBN 978-5-0070-8282-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСТУПЛЕНИЕ

Скрежет зубов и смрад преисподней заполняли всё вокруг. Кайн стоял на крыше сгоревшей этажки, опустив свой взгляд на то, что некогда называлось городом Райских птиц. Его взгляд был налит кровью, и ни единой капли сострадания в нём не было. Город был окутан пламенем и криками умирающих людей, которые изо всех сил цеплялись за свою ничтожную жизнь. Город опустел: некоторые пустились в бегство, некоторые пали, решив противостоять злу; армия и войска под гнѐтом продажного правительства покинули эти места и оставили попытки спасти человеческие жизни. Некогда значимые силы сопротивления рассыпались с каждой попыткой пойти в бой. Все дороги, ведущие к городу Райских птиц, который живущие вне уже прозвали городом зла, давно перекрыли, а сам же город обнесли «великой стальной стеной». Вблизи этой самой стены в заброшенной линии метро сплотилась воедино горстка людей под охраной последних сил сопротивления. Там, под землёй, они научились выращивать зерно и добывать воду и изо дня в день делали всё, лишь бы только покинуть город. Основные силы теперь были направлены на рытье подкопа и разведку на предмет брешей в стене, но так было не всегда. Некогда город Райских птиц был культурной столицей Нортрии. Ежегодно сотни тысяч людей со всех уголков земного шара приезжали полюбоваться красотами городских сооружений, культурных ценностей и, конечно же, знаменитого во всѐм мире Прозрачного моря, вода которого считалась целебной, и многие увозили с собой целые бутылки такой воды и пользовались ею в медицинских целях.

ГЛАВА 1. Обещание

Тремя десятками и ещё тремя годами ранее у обычной девушки по имени Герда на свет появился парень. И он был бы тоже простым, если бы при рождении заплакал, как это делают все дети с первым вздохом кислорода, однако он начал дышать, не обронив ни слезинки. При этом он приоткрыл глаза и, казалось бы, осмотрел всё вокруг, будто бы предвкушая грядущие беды, что возмутило медицинский персонал, но, может, к великому сожалению, возмутило недостаточно, чтобы что-либо предпринять. Герда, живущая без мужа, назвала сына Кайном — не то в честь сказки «Снежная королева» про Герду и Кая, которую в детстве она очень любила, не то просто придумав это имя случайно. Несмотря на то, что мальчик рос без отца, он рос крепышом и во всей тяжёлой домашней работе помогал своей матери.

Семья жила небогато. Их дом был расположен в пригороде, на самой окраине, где порой не всё было так культурно, как в центре, тем более в то время. Однако семья Кайна и не бедствовала. Мать Кайна работала в местном банке под названием «Банк +» и имела достаточно денег, чтобы обеспечить себя и маленького сына всем необходимым. Из-за того, что мать практически всегда была на работе, Кайн большинство своего времени сидел дома и лишь изредка выходил на улицу, где местные мальчишки, а основными из них были Грег и его мерзкая компания, почему-то не очень его возлюбили. Только лишь малыш выходил из дома, как местные мальчишки сыпали в его сторону разные обзывательства и кидали в него травой. Кайна называли зверем, сорвавшимся с цепи, из-за его строгого вида в свои детские годы, и всегда придумывали всё новые и новые оскорбления. Каждый раз Кайн пытался уйти от надоедливой компании и никак им не отвечал. Его маленькое детское сердце потихоньку наполнялось злом и яростью, которую он начинал чувствовать всё чаще, однако сдерживал её изо всех сил. В редких стрессовых ситуациях мальчик иногда слышал непонятные голоса, которые повторялись с каждым ударом учащённо бьющегося маленького сердца, однако Кайн, как бы ни старался, не мог разобрать ни слова. По соседству жил мистер Тоуп со своей кошкой, которую он ласково называл миссис Кити. Тоуп — это старенький дедушка, тем не менее остававшийся в хорошей форме и с хорошим чувством юмора, который любил Кайна как собственного внука и всегда помогал Герде в уходе за ним.

Однажды утром Герда, как обычно, отправилась на работу, оставив сыну завтрак на столе. Проснувшись, семилетний Кайн сходил в ванную и приступил к завтраку. На завтрак было молоко и плюшки, которые продавались на углу. Поев, Кайн отправился к своему любимому делу — наблюдению из окна за всем происходящим. За этим занятием Кайн мог сидеть часами, при этом он постоянно что-то рисовал в своем детском альбоме и бубнил под нос непонятные слова. Просидев так полдня, малыш понял, что его мать, которая обычно прибегала ненадолго в обед, чтобы накормить сына, сильно задержалась, и Кайн взял несколько монет, лежащих на комодке, и отправился в булочную. Он мог бы позвонить мистеру Тоупу, однако считал себя достаточно взрослым, чтобы сходить за едой самостоятельно. Во дворе играли Грег и мальчишки. Грег, обращаясь к Кайну, крикнул:

— Эй! Опудало, иди сюда!

На что Кайн не отреагировал и сделал вид, что не слышал, после чего Грег подошёл и сказал:

— Я что, не с тобой разговариваю?

После чего взял Кайна за руку и повёл с собой.

— Куда ты меня тащишь?

— Вот и голосок прорезался... — сказал Грег, подведя Кайна к своей «правой руке» — Снупу.

— Держи это! — сказал Снуп, протянув Кайну тряпичный мешок со скверным запахом.

— Что это?

— Молчи и бери, если хочешь с нами дружить. Ты должен отнести этот мешок и повесить его на дверь машины мистера Тоупа, этого старого подонка.

— Зачем мне это?

— Бери и неси! — сказали мальчишки в один голос. Грег при этом разминал свои кулаки, намекая, что Кайну лучше с ними не шутить.

Кайн понёс мешок к старенькой, но весьма ухоженной машине мистера Тоупа и начал привязывать его к дверной ручке, остальные мальчишки спрятались за углом. Внезапно на машине сработала сигнализация, что было большой редкостью на то время, и Кайн бросился бежать. Мистер Тоуп выглянул из окна, увидев при этом забегающего за угол Кайна, и окликнул его. Тоуп подошёл к машине, при этом выключив сигнализацию, и увидел висящий на двери мешок. Раскрыв его, мистер Тоуп закричал от ужаса. В мешке лежала изуродованная мёртвая миссис Кити, которую он любил больше всех на свете, даже больше маленького Кайна. Мистер Тоуп обезумел от увиденного и бросился вслед за Кайном.

Кайн побежал за Грегом, Снупом и остальными парнями, которые убегали из-за угла в заброшенный дом через квартал. Там, затаившись, сидели Грег, Снуп и ещё один парень по имени Лютер, остальные, вероятнее всего, разбежались. Прибежав туда и услышав ужасающие крики мистера Тоупа, Кайн снова спросил у Грега:

— Что было в мешке?

— Облезлая вонючка облезлого старика.

— Ты... Ты убил миссис Кити? — не то с ужасом, не то со злостью спросил маленький Кайн. В этот момент у мальчика от испуга вновь в голове слышался непонятный голос, сердечко мальчика начало стучать всё быстрее и быстрее.

— Я? Ха-ха, её убил ты, маленький зверёныш, и оставил как послание.

— Ты...

Кайн кинулся на Грега, однако Снуп и Лютер схватили его.

— И что же ты сделаешь? — спросил Грег. — Побьёшь меня?

При этом он ударил Кайна в живот. Кайн согнулся и упал на землю. Не столько боль, сколько бешеная ярость и злоба беспокоили его. Все старые обиды вспомнились, Кайн почувствовал небывалую силу в руках. Рядом с ним лежал кусок кирпича, как будто призывающий Кайна взять его. Кайн схватил кирпич, вскочил и нанёс удар по ноге Лютера, после чего на секунду остановился. Снуп кинулся, схватил Кайна и вырвал кирпич из его руки, однако удерживать его теперь не мог. Кайн вырвался и нанёс удар локтем в лицо Снупу. Тот упал на землю, и из его носа потекла кровь. Кайн нанёс ещё несколько ударов ногами по лицу Снупа и уползающего Лютера.

— Теперь ты. Ты хотел видеть зверя, так смотри! — сказал Кайн, обращаясь к Грегу.

Возле двери заброшенного дома раздался крик мистера Тоупа, который направлялся в дом, и Кайн сказал:

— Я за вами ещё вернусь.

После этого Кайн прыгнул в окно. Зайдя в дом, мистер Тоуп увидел двух лежащих мальчиков и стоящего как столб Грега, который, едва собравшись со смелостью, сказал мистеру Тоупу, что Кайн убил его кошку и побил Снупу и Лютера. В здравом уме Тоуп никогда бы в такое не поверил, однако увиденное в мешке и в заброшенном доме, смешавшись с эмоциями, не просто заставило его поверить в такую чушь, а твёрдо убедило его в этом.

— Где он? — спросил Тоуп у Грега.

— Побежал туда, — ответил Грег и указал дрожащим пальцем на окно.

Мистер Тоуп отправился на поиски Кайна. Кайн в это время уже прибежал домой и запер двери. Его одежда была грязная, и на ней чётко виднелись капли крови. Кайн спрятался под кроватью и несколько часов слушал крики и стук в двери мистера Тоупа. Голоса в голове Кайна

понемногу утихали. Спустя некоторое время пришла мать Кайна — Герда, которую перед дверью встретил мистер Тоуп и поведал о случившемся. Мистер Тоуп к этому времени уже немного пришёл в себя и уже не способен был совершить необдуманный поступок. Герда не поверила Тоупу и сочла сказанное за лёгкий маразм старика, однако Тоуп показал ей лежащую в том самом мешке миссис Кити возле только что выкопанной Тоупом могилки, после чего положил её в ямку, заплакал и засыпал землёй. На глазах Герды также появилась слеза.

— Пойдёмте, мистер Тоуп, я напою вас чаем, — сказала Герда и повела Тоупа к себе домой.

Кайн задрожал и снова спрятался под кроватью, однако, когда мать начала открывать ключом двери, вспомнил, что закрыл дверь на засов, который снаружи не откроешь, и понял, что ему придётся подойти и открыть её. Непонятно, какие чувства окутывали Кайна, когда он шёл к двери, однако они никак не были похожи на страх. Едва Кайн открыл дверь, и мистер Тоуп увидел его, эмоции снова переполнили Тоупа, но в тот момент он всё же сдержался и со словами: «Будь ты проклят. Будьте вы прокляты», — стремительно отправился домой.

У Герды с Кайном возникла серьёзная беседа по этому поводу. Обеспокоенная мать не хотела верить в произошедшее, однако факты были налицо, и Кайн, смирившись с тем, что его мнение не воспринимают всерьёз, искренне пообещал больше никогда не злиться и не делать плохого, на что Герда обняла сына и объяснила причину своей задержки на работе. Герде предложили работу в главном отделении «Банка +» в центре города с обеспечением жилья вблизи самого банка в престижном райончике города Райских птиц, и она сообщила, что завтра же они переезжают.

Переехав в новую просторную квартиру блестящего как новогодняя ёлка многоэтажного дома, Кайн первым же делом подошёл к окну. Из окна открывался потрясающий вид на город Райских птиц, и именно тут, с этого самого места, можно было наглядно понять, почему город обрёл такое название: стоящие вокруг сотни многоэтажных домов имели сверху перьеобразную форму, и можно было подумать, что вместо города на земле сидит огромная разноцветная райская птица небывалой красоты. Улицы там были чистые и ухоженные, было множество памятников архитектуры, всевозможных заведений на любой вкус и культурных достояний. И только через несколько недель Кайну и его матери стало известно, что обезумевший мистер Тоуп скончался в день их отъезда от сердечного приступа, когда открывал свою машину за ту самую ручку, к которой Кайн привязывал мешок с мёртвой миссис Кити. На могиле мистера Тоупа Кайн снова поклялся никогда больше не злиться в своей жизни, никогда...

ГЛАВА 2. Минуты радости

Прошло несколько долгих, обманчиво спокойных лет. Время стёрло из памяти обитателей старого двора имя Кайна, а сам он за эти годы заметно вытянулся, возмужал и изменился. Герда, отдавшая все свои скромные сбережения и приложившая невероятные усилия, сумела устроить сына на обучение в одну из самых престижных и уважаемых школ города Райских Птиц. Это было монументальное каменное здание с высокими светлыми окнами, просторными коридорами и строгими, но справедливыми порядками. Для маленькой семьи это стало шансом начать всё с чистого листа, похоронив пугающие тени прошлого под ворохом новых тетрадей и учебников.

В этих стенах Кайн почти сразу проявил себя как на редкость способный, хваткий и прилежный ученик. Он обладал удивительной ментальной гибкостью и цепкой памятью, благодаря чему подавал огромные надежды. Мальчик делал поразительные успехи в самых разных дисциплинах: арифметика давалась ему с лёгкостью, логические цепочки выстраивались в его голове мгновенно; в языковедении он тоньше других чувствовал структуру слова; на уроках биологии с искренним, живым интересом вчитывался в описания живых организмов. Не отставал он и на занятиях по физической культуре — его тело, некогда казавшееся хрупким, теперь наливалось здоровой силой, делая его ловким, быстрым и выносливым.

Преподаватели искренне радовались такому усердию. Учителя то ли в шутку, то ли для того, чтобы подбодрить молчаливого, погружённого в себя подростка, часто называли его между собой и в глаза «золотым мальчиком». Слыша это лестное прозвище, Кайн внутренне расцветал. В его груди разгоралось упрямое, горячее желание доказать, что он достоин этих слов. Он начинал стараться ещё больше, засиживался за книгами допоздна и неуклонно стремился всё к новым и новым высотам, надеясь навсегда вытеснить из мыслей старые детские кошмары.

В один из обычных будних дней звонкий, залиvistый металлический трезвон колокола возвестил о начале долгожданной перемены. По классу тут же пронёсся оживлённый гул, закрипели стулья, зашуршали учебники, закрываемые в спешке.

— Дети, собирайте свои вещи аккуратно, ничего не забывайте на партах, — раздался над классом мягкий, струящийся голос мисс Роландж, доброй и бесконечно преданной своему делу учительницы арифметики. Она поправила очки в тонкой оправе и взглянула на задние ряды. — Кайн, останься, пожалуйста, на минуту.

Мальчик, уже собравший свой ранец, послушно замер и подошёл к учительскому столу. Когда кабинет опустел, мисс Роландж протянула ему плотную стопку исписанных аккуратным почерком листов.

— Вот, возьми. Это список специальных, дополнительных заданий повышенной сложности, которые я подготовила лично для тебя. Внимательно разбери каждую формулу, Кайн. Пора готовиться к твоему участию в общегородской олимпиаде.

Кайн бережно принял бумаги, ощущая, как к горлу подступает волна искренней гордости.

— Спасибо, мисс Роландж. Я обещаю, что оправдаю ваше доверие и не подведу вас.

Женщина тепло улыбнулась, в её глазах заискрилась неподдельная вера в ученика.

— Олимпиада начинается ровно через неделю. Конкуренция будет жестокой, съедутся лучшие умы, но из вашего класса в этом году участвуешь ты один. Вся школа будет болеть за тебя.

— Я не проиграю, обещаю вам! — твёрдо ответил Кайн, сжав пальцами край стопки.

— Удачи, золотой мальчик, — напутствовала она его, мягко кивнув на прощание.

Выйдя в просторный школьный коридор, Кайн оказался посреди бурлящего человеческого океана. Здесь каждый занимался своими делами: повсюду раздавался смех, шёпот, хлопки дверей. Дети шумно собирались группами по интересам, обсуждали последние новости, спорили о пустяках или просто дурачились в случайном порядке. У каждого в этой огромной школе был свой круг общения, свои незыблемые компании и верные друзья.

У каждого, кроме Кайна.

В полном, звенящем одиночестве он изо дня в день ходил по коридорам от кабинета к кабинету, прижимая к груди учебники. Его разум был целиком озадачен только учебным процессом, формулами и правилами. Школьники здесь, конечно, были совсем не теми задиристыми, жестокими детьми, которые когда-то окружали Кайна в грязном дворовом тупике. В этой престижной школе хулиганам и грубиянам места не было — здесь учились воспитанные, вежливые, приятные в общении юноши и девушки из хороших семей. Однако даже с такими чистыми и открытыми ребятами Кайн никак не мог найти общего языка. Невидимая, глухая стена, возведённая им вокруг себя ещё в раннем детстве, оставалась неприступной. Он разучился доверять людям.

— Эй, зверь! — вдруг донёсся из толпы резкий, звонкий окрик.

Кайн как вкопанный остановился посреди коридора. Бешеная, оглушительно забившаяся пульсация эхом отзывалась в самых рёбрах. Старая, полузабытая дразнилка хлестнула по ушам, словно ледяной бич. В ту же секунду перед глазами безумным, ярким калейдоскопом замелькали призраки далёкого прошлого: грязный подвал, окровавленная мёртвая кошка мистера Тоупа, перекошенное от злобы лицо Грега... Чёртов Грег, неужели он нашёл его и здесь? В ушах зашумело, к горлу подступила дурнота, а пальцы Кайна похолодели от накатившего ужаса.

С трудом переборов оцепенение, Кайн медленно, готовый к худшему, обернулся. Но перед ним стоял вовсе не призрак из кошмаров. Его окликнул улыбающийся одноклассник по имени Шарп — бойкий, открытый парень с вечной взъерошенной копной волос.

— Что... Что ты сказал? — выдохнул Кайн, его голос сорвался на сиплый шёпот. — Откуда... откуда ты знаешь это слово?

Шарп от неожиданности даже отпрянул, заметив, как сильно побледнел его товарищ. Он примирительно поднял ладони вверх.

— Воу, ты чего, остынь! Чего ты так напрягся? Я же в хорошем смысле! Говорю, на арифметике ты сегодня просто порвал все задачи, как настоящий дикий зверь! Мисс Роландж даже новое задание выдумать не успела.

Кайн медленно перевёл дыхание, чувствуя, как паника начинает постепенно утихать. Однако тень страха ещё оставалась в его глазах.

— Не называй меня так. Больше никогда. Пожалуйста! — попросил он с сухой, глухой серьёзностью.

Шарп удивлённо повёл плечом, но спорить не стал, уважая чужую странность.

— Ладно-ладно, как скажешь, без обид. Пошли скорее, физкультура вот-вот начнётся, а мы ещё даже до раздевалки не дошли и не переоделись. Живее, а то старик Бронсон заставит круги вокруг стадиона нарезать!

Ребята поспешили вниз по лестнице, направляясь к спортивному залу. По дороге, преодолев минутную неловкость, они начали довольно дружелюбно общаться. Шарп без умолку болтал о каких-то пустяках, а Кайн, к собственному удивлению, ловил себя на том, что ему впервые за долгое время интересно слушать сверстника.

На самом уроке, после обязательной изнурительной зарядки и пробежки, учитель скоординировал ученикам разбиться на команды для игры в мяч. По счастливому стечению обстоятельств, Кайн и Шарп оказались в одной сборной. На спортивной площадке Кайн выкладывался на полную: его скорость и реакция заставляли команду соперников раз за разом упускать

инициативу. Шарп восторженно пасовал ему, они слаженно переглядывались, подстраховывали друг друга в острые моменты и во время этой динамичной игры сблизилась ещё сильнее. Когда прозвучал финальный свисток, возвестивший об их победе, Шарп с размаху хлопнул Кайна по плечу, тяжело дыша и счастливо улыбаясь.

Кайн посмотрел на его открытое лицо, и внутри него затрепетал робкий, тёплый огонёк надежды. Мальчик подумал: «Неужели это происходит со мной? Быть может, это и есть он... мой первый настоящий друг?»

После окончания занятий, когда школьный двор залило мягкое золото послеполуденного солнца, Шарп не отпустил Кайна домой. Напротив, он весело ухватил его за ляжку ранца и предложил вместе пойти погулять в компании его близких друзей — Лоренса, Мики и их общей подруги Кейли. Кайн, чьё сердце всё ещё находилось под впечатлением от школьного триумфа, с радостью и тайным трепетом согласился.

Они провели на улице весь оставшийся вечер. Подростки бродили по тихим, усаженным деревьями аллеям города Райских Птиц, шумно общались, смеялись над глупыми шутками и делились школьными сплетнями. И впервые в своей сознательной жизни Кайн почувствовал себя абсолютно таким же, как все остальные. На мгновение исчезло гнетущее ощущение собственной чужеродности. Он почувствовал себя по-настоящему живым, полноценным человеком, наполненным самыми обычными, простыми людскими чувствами, радостями и искренними эмоциями.

С этого дня их прогулки стали постоянными. Так они гуляли вместе изо дня в день: баловались, развлекались, устраивали весёлые споры, пекли картошку на пустырях и узнавали много нового о характерах и тайнах друг друга. В таком бешеном, счастливом темпе незаметно пролетела целая неделя. Приходя по вечерам домой, Кайн больше не мог думать ни о чём, кроме своих новых друзей. Он засыпал и просыпался с мыслями о том, о чём они поговорят завтра, какую историю им рассказать и чем интересным заняться в новый день.

К тому же в его груди зародилось ещё одно, совершенно новое и неизведанное чувство — Кайн начал испытывать трепетное, пугающее своей новизной влечение к Кейли. В её присутствии привычный мир мальчика переворачивался: её звонкий, чистый смех мгновенно прогонял остатки его хмурых мыслей, а то, как она мимолётно поправляла выбившиеся русые пряди волос или внезапно ловила его взгляд, заставляло сердце Кайна замирать от странного, сладкого удушья. Это не было просто дружеской симпатией — внутри него крепла глубокая, окрыляющая привязанность, из-за которой каждая прогулка обретала особый, тайный смысл. Разумеется, из-за своей застарелой замкнутости Кайн эти робкие чувства всячески скрывал, боясь показаться смешным или, что хуже всего, разрушить ту хрупкую идиллию, которая наконец-то появилась в его жизни.

Каждое утро теперь приносило радость. Будильник, быстрая прохладная ванная, торопливый завтрак под ласковым взглядом улыбающейся Герды, бегом в школу — и громкое, счастливое: «Привет, друзья!».

Так начался и этот злополучный день. Кайн стоял у окна в вестибюле, высматривая в толпе Шарпа и Кейли, когда к нему со спины тихо подошла мисс Роландж. На её лице играла мягкая улыбка.

— Ну что, золотой мальчик, ты готов? — спросила она.

Кайн, чей разум был полностью занят планами на вечернюю прогулку, непонимающе моргнул:

— К чему готов, мисс Роландж?

Учительница тихо рассмеялась, посчитав это шуткой.

— Очень смешно, Кайн. Олимпиада по арифметике начинается ровно через пятнадцать минут в двенадцатом кабинете на втором этаже. Твои соперники уже рассаживаются. Поторопись, не опаздывай.

В суматохе последних, невероятно насыщенных и счастливых дней Кайн совсем позабыл о данном мисс Роландж обещании. Земля ушла у него из-под ног, а разум обдал ледяной пот. Осознание своей беспечности больно ударило по самолюбию. Со всех ног устремившись в двенадцатый кабинет, он на ходу судорожно вытаскивал из ранца мятые листы с заданиями, которые давала ему учительница, пытаясь впопыхах просматривать формулы и судорожно повторять пройденный материал.

В кабинете было душно и неестественно тихо. За партами уже сидели сосредоточенные ученики из других классов.

— Ну что, молодые люди, начнём нашу олимпиаду, — скрипучим, холодным голосом произнесла толстая, обрюзгая и крайне неприятная на вид женщина, присланная в качестве строгого надзирателя напрямую из министерства образования. Её маленькие, заплывшие глазки за стеклами толстых очков хищно осматривали аудиторию.

Всем присутствующим раздали запечатанные листки с вариантами. Кайн глубоко вздохнул, унял дрожь в пальцах и перевернул свой лист. Сверху красовались математические примеры и задачи, которые на первый взгляд показались ему довольно лёгкими. Он с облегчением улыбнулся и уверенно приступил к их выполнению, быстро покрывая бумагу ровными строчками цифр. Однако, перевернув страницу, Кайн замер. Несколько последних, решающих заданий напрочь выходили за рамки обычной школьной программы. Формулировки были запутанными, требования — непонятными.

В голове Кайна воцарился хаос. Он отчаянно подумал, что мисс Роландж наверняка разбирала с ним нечто подобное в тех листах для подготовки, которые сейчас лежали у него в ранце. Ведомый лишь глупым, детским страхом провалиться и подвести любимого учителя, Кайн принял роковое решение. Он осторожно, стараясь не шуметь, приоткрыл замок ранца и запустил руку внутрь, намереваясь незаметно подсмотреть алгоритм решения в записях мисс Роландж.

Едва его пальцы коснулись заветной стопки бумаг, как мерзкая толстая тётка из министерства, коршуном кружившая по рядам, за секунду оказалась прямо над его душой.

— Шпаргалки?! На министерской олимпиаде?! — её визгливый, торжествующий крик разорвал тишину кабинета подобно грому.

Женщина с силой вырвала ранец из рук Кайна, вытряхивая его содержимое прямо на парту. Листы для подготовки веером разлетелись по столу. Проверяющая впиалась взглядом в аккуратный почерк мисс Роландж, сравнила их с официальными бланками заданий, и её лицо перекошилось от ярости. Кайна с жутким, несмываемым позором выставили из класса на глазах у притихших соперников. Но самое страшное случилось позже: в тот же день мисс Роландж с треском, без права на восстановление, лишилась своей работы.

Оказывается, те самые тренировочные задания, которые так заботливо подготовила для Кайна учительница, до мельчайших деталей, до последней цифры полностью совпадали с официальными заданиями всех вариантов на министерской олимпиаде. Где именно скромная учительница сумела раздобыть эти секретные бланки до начала конкурса, для всей школы так и осталось неразрешимой, мрачной загадкой.

Юный Кайн, сгорая от стыда и разрываясь от душевной боли, несколько дней подряд тенью бродил возле школы. Он отчаянно искал встречи с мисс Роландж, караулил её у чёрного входа, надеясь упасть на колени, извиниться, выплакаться и объясниться во всём, сказать, что он не хотел списывать, а лишь искал подсказку. Но всё было тщетно — мисс Роландж путь в школу был заказан навсегда, её имя вычеркнули из списков, а сама она словно сквозь землю провалилась.

Кайн чувствовал непомерное, сжирающее его изнутри сожаление от того, что так глупо, так малодушно подвёл своего наставника. В его израненную душу с новой, утроенной силой пробились ледяная тоска и ядовитая горечь. Он без конца винил себя: ведь из-за его минут-

ной слабости, из-за его проклятой беспечности такой чистый, добрый и хороший человек в один миг лишился всего, чему посвятил годы преданного, искреннего труда. Кайн не понимал, почему судьба вновь обошлась с ним так жестоко, словно какая-то невидимая, тёмная сила внутри него самого неизбежно разрушала всё светлое, к чему он пытался прикоснуться.

День ото дня Кайн становился всё более мрачным, грустным и необщительным. Превенняя лёгкость исчезла без следа. Теперь уже даже новые верные друзья, весёлый Шарп и нежная Кейли не могли его утешить — их шутки казались ему чужими, а их присутствие лишь усиливало чувство вины. Кайн просто полностью закрылся в себе, запечатав душу на сто замков. Он оборвал все связи, перестал приходить на встречи и уже больше ни с кем из ребят даже не здоровался при встрече в коридорах. Он ходил из кабинета в кабинет как безмолвная, серая тень, вновь добровольно погружая свой разум в привычный, холодный мрак абсолютного осознанного одиночества.

ГЛАВА 3. Очаг всего зла

Прозвенел звонок, и ребята тотчас поспешили в мастерскую на урок труда и рукоделия. Смятенный Кайн по своему обыкновению занял последнюю парту и начал подготовку к уроку. Впереди Кайна сидел ранее полюбившийся ему Шарп. В мастерскую зашёл учитель — мистер Бэкендж. Это был слегка грузный, хмурый, с постоянной испариной на лбу, залысинами, закрытыми зачёсанными волосами, немолодой мужчина. Ученики всегда опасались мистера Бэкенджа, так как он славился строгим нравом, непредвзятостью и частенько лаялся на учеников. Впрочем, учителя также побаивались и уважали мистера Бэкенджа.

— Разделитесь по группам, — строго сказал мистер Бэкендж.

Ребята начали объединяться в небольшие группки по несколько человек, и, как обычно, Кайн остался один. Однако тотчас к нему подошёл Шарп и предложил объединиться в группу. Кайн сначала возразил, однако, немного подумав, сказал:

— Что уж там... Давай объединимся.

Ребята в мастерской начали сдвигать столы по группам. Мистер Бэкендж стал раздавать всем задания. Получив своё задание, Кайн и Шарп уж было собрались его выполнять, как вдруг, постучав, в мастерскую зашла посыльная от директора школы.

— Мистер Бэкендж... — сказала посыльная. — Директор вызывает к себе Шарпа.

Ничего более не объясняя, добавила она.

— Хорошо, — сказал Бэкендж. — Шарп, к директору, да не задерживайся там. А ты, Кайн, пока Шарпа не будет, возьми вот эту книгу и начни её изучать.

Шарп пошёл с посыльной к директору, а мистер Бэкендж положил на стол, где сидел Кайн, старую потёртую книгу и начал указывать, что именно изучить Кайну. Во всей мастерской ребята принялись за работу и начали изготавливать различные поделки, как гласило задание мистера Бэкенджа. Сам же мистер Бэкендж сел за учительский стол, протёр платком лоб, тяжело вздохнул и начал делать какие-то пометки в блокноте.

Кайн читал книгу. Это была книга по технике безопасности при обращении с различными станками и оборудованием. Прочитав несколько глав, Кайн начал чувствовать себя неважно. Ему было к тому же невдомёк, почему все ребята занимаются делом, при этом веселятся, общаются, делятся впечатлениями, а он сидит за унылой книгой. Впрочем, Кайну было не привыкать к такому, ведь он чувствовал себя одиноким даже в шумной компании, однако его плохое самочувствие не объяснялось одним одиночеством. У него начала кружиться голова, он побледнел, начал чувствовать какую-то слабость, но при этом внутри него будто бы разгорался какой-то пожар и просыпалась неистовая ярость. Кайн подумал, что это жар и что он заболел.

— Мистер Бэкендж... — обратился к учителю Кайн. — Я себя неважно чувствую, не можете мне посетить медицинский пункт?

Мистер Бэкендж поднял глаза на Кайна и сказал, подумав, что Кайн его обманывает, не имея желания выполнять скучное задание:

— Сиди и учи, Кайн. Более того, будешь рассказывать технику безопасности при обращении с оборудованием всему классу, так как на следующем нашем занятии мы будем работать с опасным оборудованием.

— Мистер Бэкендж, я вас не обманываю, мне действительно дурно, — уверял учителя Кайн, однако тот не слушал и продолжал настаивать на своём.

Кайну становилось ещё хуже, и он старался не подавать виду, но читать книгу Кайн уже не мог. Урок близился к концу, но Шарп так и не возвращался от директора, и на мучающегося Кайна никто не обращал внимания. Ребята начали подходить к мистеру Бэкенджу и показывать свои поделки. Мистер Бэкендж же рассматривал их, критиковал и ставил отметки.

— Так что же там у тебя? — спросил мистер Бэкендж, обратив взор на Кайна. — Всё придуриваешься? Ну ладно, оставайся после урока. Я никуда не спешу, а если не расскажешь мне содержимое книги, мы направимся вместе к директору.

Прозвенел звонок, и ребята начали собираться. Так как на этот день урок труда и рукоделия был у них последним, ученики спешно покинули мастерскую и устремились кто куда.

— Ну что? — спросил мистер Бэкендж. — Ты готов что-то мне рассказать?

Но Кайн молча сидел на последней парте, весь в холодном поту.

— Меня не проведёшь, — продолжал мистер Бэкендж. — Ты посиди пока здесь, а я пойду узнаю, принимает ли директор.

Кайн остался сидеть в мастерской, а мистер Бэкендж вышел, закрыв за собой дверь. В этот момент Кайн почувствовал неимоверный прилив силы, сопровождающийся злостью и яростью, в голове его вновь раздались непонятные голоса. Кайн встал, подошёл к находившемуся неподалёку зеркалу. Холодный доныне пот на его лбу, казалось, испарялся, как на горячей плите. Посмотрев в зеркало, Кайн будто бы глядел сквозь него и даже не обращал внимания на своё отражение. Ему вспомнились все полученные доныне обиды, однако Кайн также помнил о своём обещании никогда больше не злиться, и его пугал непонятный приступ злости. Кайн пытался себя успокоить, но будто бы что-то внутри него вырывалось наружу и хотело показать себя. Кайн взялся руками за сплошные металлические поручни, крепко, что есть мочи, сжал их и смотрел сквозь своё отражение в никуда, пытаясь себя успокоить. Это была непонятная борьба с самим собой. Как будто само зло сидело внутри мальчика и боролось с его хрупкой сущностью.

Кайн вновь начал слышать всё тот же голос, снова и снова повторяющийся в голове. Вдруг Кайн начал дрожать, все мышцы его будто бы превратились в стальные волокна, из носа у мальчика потекла чёрно-бурая жидкость, и Кайн на долю секунды обратил внимание на своё отражение в зеркале. Перед ним стоял отнюдь не юный школьник. Кайн увидел мрачное существо с чертами лица, отдалённо напоминающими черты лица Кайна, но Кайн за короткий отрезок времени не смог всё как должное рассмотреть, запомнил лишь чёрные, как две бездонные пропасти, глаза, смотрящие прямо в его душу.

Вдруг всё вокруг резко начало крушиться. Зеркало треснуло, парты и стулья, а также оборудование ринулись в разные стороны, разбились окна и со свистом распахнулись двери, будто бы произошёл взрыв, исходящий от самого мальчика. Сам же Кайн упал на пол и, испугавшись, не мог понять, что же происходит. Впрочем, самочувствие его было хорошее, и сам он был в полном порядке. Но вопрос: «Что же случилось?» — будет терзать его ещё очень долго.

В тот самый момент, когда распахивалась дверь, к мастерской подходил озадаченный мистер Бэкендж, но только он притронулся к дверной ручке, как дверь с такой силой его ударила, что тот в ту же минуту рухнул без сознания на пол. На шум тут же подбежала находившаяся неподалёку старушка миссис Ольшенс, которая работала прибирательницей в школе. Увидев лежащего мистера Бэкенджа, миссис Ольшенс уж было хотела ринуться к нему, но, подумав, сразу решила бежать к директору. Директором школы была добрая, решительная и уверенная в себе миссис Дэренджер, которая пользовалась невероятным уважением и авторитетом как у учителей с персоналом школы, так и у учеников. Вбежав в кабинет директора, миссис Ольшенс запричитала:

— Беда, беда. Мистеру Бэкенджу нужна помощь.

— Ведите же скорее, — отвечала миссис Дэренджер.

Когда они прибежали к мастерской, их ожидала следующая картина: мистер Бэкендж лежал неподвижно на полу у мастерской, на его лице застыла гримаса ужаса, будто бы успел он в последнюю секунду перед потерей сознания что-то увидеть, возле него сидел испуганный Кайн, не зная, что ему делать, а позади них был полуразбитый кабинет. Подбежав к мистеру Бэкенджу, миссис Дэренджер велела миссис Ольшенс немедленно сообщить бригаде ско-

рой помощи, а сама начала пытаться оказывать доврачебную помощь и проверять пульс пострадавшего. К счастью, мистер Бэкендж был жив.

— Что здесь произошло? Что ты наделал? — спрашивала миссис Дэренджер, осматриваясь то вокруг, то на мистера Бэкенджа, то на самого Кайна.

— Я... Я не помню, — испуганно отвечал Кайн.

— До того как прийти сюда, мистер Бэкендж заходил ко мне, и мы с ним побеседовали о твоём поведении. Мистер Бэкендж настоял, чтобы я сообщила твоей матери, и она будет здесь с минуты на минуту. Признайся, ты хотел отомстить мистеру Бэкенджу за его нрав и наделал это? Посмотри, что ты натворил, разве бедняга заслуживает такого?

Испуганный мальчик уж было ринулся бежать, как подросла миссис Ольшенс, рядом с которой стояла Герда, в непонимании, что же всё-таки случилось. Миссис Ольшенс сообщила, что бригада скорой помощи прибудет незамедлительно. Герда начала расспрашивать, что же случилось, однако никто не мог дать чёткого ответа. Вдруг миссис Ольшенс произнесла:

— Это всё ваш проказник, Герда, это он, Кайн, натворил эти ужасы!

— Что вы такое говорите? — стоя в изумлении, спрашивала Герда. — Кайн не мог такого натворить.

— Герда... — произнесла миссис Дэренджер. — Мы сейчас во всём разберёмся, и вы, миссис Ольшенс, не горячитесь, пожалуйста.

— Да куда уж не горячиться, а если мистер Бэкендж умрёт? Хулигана нужно наказать!

Миссис Дэренджер не понимала, откуда в такой доброй старушке столько злости к мальчику, да, впрочем, и Кайна она не оправдывала, а хотела разобраться со всем, как того требовали обычаи. Герда стояла молча, как к мастерской подросла молодая медсестра, за которой в медицинских масках шли два крепких санитары, несущие носилки.

— Расступитесь! — приказала медсестра и, подойдя к лежащему мужчине, стала проводить осмотр.

— Он в порядке? — спросила миссис Ольшенс.

— Трудно сказать, — сообщила медсестра. — Необходима госпитализация.

Два крепких санитары погрузили мистера Бэкенджа на носилки, как у Кайна носом вновь потекла чёрно-бурая жидкость. И Герда, то ли пытаясь отсрочить правосудие, то ли попросту беспокоясь за здоровье сына, сказала:

— Кайну! Кайну нехорошо! Заберите его тоже в больницу скорее!

Однако молодая медсестра категорично отказала, сообщив, что не так уж он и болен, а если и болен, то сам виноват, и пусть добирается пешком. При этом санитары понесли мистера Бэкенджа в карету скорой помощи, медсестра направилась за ними, а за ней устремилась и Герда, пытаясь уговорить молодую девушку отвезти сына в больницу. За всем этим наблюдал крайне взволнованный Шарп, который, по-видимому, устав ждать в приёмной директора, последовал за шумом.

Расстроенная Герда вернулась к мастерской, обняла сына. Молодая медсестра всё же отказала ей. Миссис Дэренджер уж было начала затевать разбирательства, как Герда тотчас ей возразила и сказала, что она вместе с сыном пойдёт в больницу, а уж после будет разговор. Герда взяла сына за руку, развернулась и пошла прочь. Пошла через растерявшуюся миссис Дэренджер, озлобленную миссис Ольшенс, онемевшего Шарпа и через принципы молодой наглой медсестры с её санитарями. Выведя сына из школы, Герда утирала его лицо платком и спешила в больницу.

На дворе была зима, стоял жуткий мороз, и дороги были занесены снегом. По дороге Герда почти не интересовалась произошедшим в школе, а лишь хотела поскорее прийти в больницу. Путь пролегал через дом Герды и Кайна, при этом Кайн, ещё не завидев дом, начал уговаривать мать зайти домой и остаться там, убеждая Герду, что чувствует себя уже хорошо и его ничто не беспокоит. И впрямь, у Кайна уже не шла непонятная жидкость носом, и никаких оче-

видных признаков болезни он не имел. Но Герда была непоколебима, однако, проходя прямо у самого дома, уже сама Герда занедужила. В глазах её потемнело, и она потеряла сознание.

Маленький Кайн схватил мать и что есть силы поволок в дом. Зайдя в прихожую, Кайн начал звать консьержа, однако последний брал несколько выходных в неделю, так как работал без смены, и в настоящий момент отсутствовал, но комната консьержа всегда была открыта, находился он в ней или нет. Кайн ринулся в комнату консьержа, схватился за телефон и в попытках начал вызывать бригаду скорой помощи. Каково же было его удивление, когда на звонок ответила та самая медсестра, приезжавшая в этот день в школу, которая уже прибыла в больницу и по просьбе своей коллеги ненадолго подменила её, принимая звонки у телефона дежурной части.

— Я вас слушаю... — безразлично говорила медсестра.

— Срочно выезжайте! Моей матери дурно, — узнав медсестру и переступив через гордость, проорптал мальчик.

— Что случилось? Конкретнее... — всё так же безразлично продолжала медсестра.

Кайн рассказал всю историю, сократив её что есть мочи.

— Так ты не тот ли часом мальчик, что навредил учителю?

— Какая разница? Тот — не тот... Матери срочно нужна помощь!

— Ты мне тут голос еще не повышай, ишь какой умник изыскался. Сейчас свободных бригад нет, а мать твою я вот-вот видела, нормально она себя чувствовала, и она, да и ты, сами дойдёте, я же уже вам говорила...

Мальчик уж хотел было ругаться, но стерпел: ведь мать для него дороже всего на свете, и ради неё он готов переступить любые принципы. Он стал вновь уговаривать медсестру:

— Ну приедьте хоть вы, пожалуйста, матери правда очень плохо.

— «Хоть я»? А я что, последний вариант для вас или что? Да и некогда мне, работаю я...

Короткие гудки...

Уж непонятно почему мальчик не стал звать на помощь — видимо, не хотел терять драгоценного времени. Увидев подле ступенек детские санки, он ловко схватил их, пристроил на них мать и что есть мочи помчался в больницу. Пройдя в больницу с находящейся в бессознательном состоянии матерью, Кайн окликнул близстоящий медицинский персонал, который ринулся к матери мальчика. Герду переложили на носилки и доставили в палату, Кайну приказали ожидать снаружи.

Шло время, в палату, где лежала Герда, приходило всё больше и больше врачей различных профилей, которые, выходя из палаты, что-то рьяно обсуждали и о чём-то спорили, при этом мальчика в спешке все обходили стороной. Через несколько часов Герду переправили в другую палату — палату для вирусно-инфекционных заболеваний. Мальчик сопровождал мать и по пути пытался узнать хоть что-то, однако медработники, надев медицинские маски, в ответах были кратки и сообщали, что пока ещё ничего толком не ясно.

Кайн просидел у палаты матери до глубокого вечера. Он изнемогал от голода и переживаний за мать и от каждого входящего или выходящего из палаты ждал приятной новости, что его мать пришла в себя и что с ней всё будет в порядке. Также Кайн переживал за события, произошедшие в тот день в школе. Кайн не понимал, что всё-таки произошло и кто в действительности виновник всех трагических событий, хотя в глубине души он понимал, что сам во всём виноват. Образ, увиденный малым в зеркале, заставлял задуматься: «Неужто это в действительности я? Неужто во мне сидит такая скверная сущность, которая в любую минуту готова вырваться наружу и причинить столько вреда, в особенности близким людям?» От мысли об этом Кайну становилось всё хуже.

— Ох, мама, мама, милая мама. Это ведь я во всём виноват. Если бы не я, с тобой бы ничего не произошло. Нет мне прощения, я так виноват перед тобой.

Из глаз Кайна упали слёзы, он закрыл лицо руками и зарыдал. К плачущему мальчику подошёл солидный доктор. По всей видимости — главный врач в больнице.

— Не плачь, мальчик, — сказал врач, погладив Кайна по голове. — У твоей матери есть ещё родственники?

— Что с ней?

— Всё будет хорошо, мальчик, — уверял врач. — Просто до утра тебя точно никто к матери не допустит, давай я сопровожу тебя к родственникам, а уж завтра всё наладится. Утро ведь, как-никак, вечера мудренее. Так у тебя есть ещё родственники?

Кайн хотел уж было сказать правду, но потом опешил и сказал:

— Дайте хоть одним глазком на мать взглянуть, а уж потом и к родственникам можно.

— Так значит, родственники всё же есть? Вот и славно. — Врач на секунду призадумался и сказал: — Ну ладно, братец, за твою храбрую душеньку пойду я тебе на уступки, покажу мать.

Врач надел медицинскую маску, такую же приладил Кайну, и они вместе зашли в палату к Герде. Палата была всюду изолирована стеклянными и полимерными заграждениями. Через одно из таких заграждений была видна больничная кровать Герды. Кайн уж было кинулся к ней, но врач, прихватив Кайна за плечо, остановил его и сказал:

— «Одним глазком», ты же помнишь.

— Можно я хоть немного здесь постою? — слезливо сказал Кайн.

— Лишь немного, — сказал врач, приобняв Кайна.

К матери Кайна были подключены какие-то медицинские приборы, и возле неё не отходя стояли двое работников больницы, которые держали в руках какие-то ампулы и проводили непонятные для Кайна процедуры.

— Пойдём, мальчик... — сказал врач. — Пойдём...

Врач похлопал Кайна по плечу и сопроводил из палаты. Выйдя из больницы, врач подошёл к стоящему у входа автомобилю, в котором уже сидел водитель, открыл перед Кайном заднюю дверь и сказал:

— Присаживайтесь, молодой человек, я довезу вас к родственникам.

Кайн сел в автомобиль. Врач же сел с обратной стороны и спросил:

— Так где живут твои родственники?

Кайн назвал адрес, врач приказал водителю проследовать, и автомобиль направился в сторону дома Кайна.

— Странно, что твои родственники живут не так уж и далеко, а в больницу не пришли.

— Да они, по-видимому, и не знают, — вновь солгал Кайн. — Вы остановите автомобиль возле дома, а я сам всё им расскажу.

Автомобиль подъехал к дому Кайна. Мальчик поблагодарил врача и устремился в подъезд, где, разумеется, его никто не ждал. Машина ещё немного постояла и умчалась вдаль. Придя домой, Кайн не мог думать ни о еде, ни о сне, ни о чём-либо ещё. Мать в беспомощном состоянии, увиденная им в палате, как ужасающая картинка стояла перед глазами. Кайн подошёл к окну, уставился на прекрасный ночной город, присел на стул, подпёр голову руками и стал ждать, надеясь только на лучшее. Так проходила ночь. На удивление, утомлённый Кайн уже ближе к утру, всё так же сидя у окна, уснул.

Громкий стук в дверь спустя несколько часов разбудил Кайна. Он подскочил и тотчас ринулся в прихожую.

— Откройте, полиция! — громким мужским голосом промолвил кто-то из-за двери.

Кайн подошёл, глянул в глазок. За дверью стоял усатый полицейский и два медицинских работника. Почему-то все они были в медицинских масках, даже у полицейского маска была спущена на подбородок и лишь слегка прикрывала рот. Кайн открыл дверь. Полицейский окликнул его по имени и приказал как можно быстрее собираться и следовать за ними. Кайн

оделся, взял кое-какие вещи и проследовал за пришедшими. Выйдя на улицу, все сели в служебную машину и поехали.

— Скажите, хоть куда мы едем? — робко спросил Кайн.

— Сейчас уже приедем, не переживай, — ответил полицейский.

Машина подъехала к больнице, и все проследовали внутрь. Зайдя в кабинет главного врача, Кайн встретил уже знакомого мужчину. Тот тоже был в медицинской маске.

— Привет, Кайн, присаживайся, — сказал врач. — Сейчас мы с господином полицейским узнаем у тебя несколько подробностей о вчерашнем дне. Ты, пожалуйста, ничего не бойся и рассказывай как есть. И не обманывай, а то вчера ты знатно ввёл меня в заблуждение. Кстати, ты не голоден? Если голоден, я сейчас мигом что-нибудь придумаю.

Кайн ответил:

— Нет, спасибо, я не голоден. Вы уж меня простите за вчерашнее, я был напуган. Я вам всё расскажу, только, пожалуйста, скажите, как там моя мама?

Полицейский строго перебил его:

— Вот расскажешь всё, тогда и узнаешь.

Врач, впрочем, сказал иное:

— Кайн, чтобы нам понять, как лечить твою мать, нужно узнать о вчерашнем дне всё до мелочей. Расскажи нам, пожалуйста.

Кайн, услышав эти слова, сразу же начал рассказывать в мельчайших подробностях о том, как провёл прошлый день. Да вот только, подойдя к моменту, когда из мастерской вышел мистер Бэкендж, он замешкался и сказал, что плохо помнит, что было потом, — лишь бы его не сочли каким-то ненормальным.

— Помню только, что я очнулся, на полу лежал мистер Бэкендж. Я попробовал ему помочь, как вдруг примчались миссис Ольшенс и миссис Дэрэнджер, а потом и моя мать Герда, два медбрата и медсестра. А, ещё и Шарп был, мой одноклассник. Кстати, та молодая медсестра отказалась отвезти меня в больницу, когда у меня вроде как кровь носом пошла.

— У тебя пошла кровь носом? — перебил его врач.

— Да, пошла. Правда, какая-то тёмная очень. Мать мне её ещё потом платком вытирала, когда мы пешком в больницу пошли.

— Платком? — спросил врач.

— Да, такой голубоватый платок с узорами и вышивкой. Мать его всегда в кармане носит.

И полицейский, и врач делали какие-то записи, попутно задавая различные вопросы. Правда, полицейский всё больше молчал, по-видимому, поняв, что мальчик больше доверяет врачу, и не желая спугнуть откровения Кайна.

— Так ты говоришь, медсестра отказалась везти тебя в больницу? — продолжал расспрашивать врач.

— Да! Так ещё и когда мать потеряла сознание, а я позвонил в больницу, она же ответила на звонок и сказала, что никто не приедет помочь моей маме, и чтобы мы добирались сами.

— Так вот оно что...

Врач поднёс к уху трубку стоящего на столе телефона, строго произнёс чьё-то имя и велел немедленно передать, что ждёт её в своём кабинете через пятнадцать минут. По всей видимости, он вызывал на беседу ту самую медсестру.

— Кайн, расскажи подробнее о симптомах перед тем, как у тебя носом пошла кровь, и о симптомах, приведших в обморок твою мать.

— Мать просто упала. Казалось, что она спокойно себе шла, как вдруг раз — и на снег. А я что? У меня никаких симптомов не было, у меня всё хорошо, я чувствую себя здоровым.

— Нам всё же нужно будет в этом убедиться. Похоже, началась какая-то эпидемия, и, возможно, ты тоже заражён.

— Эпидемия? Я заражён? Да нет же, я чувствую себя абсолютно здоровым! — уверял мальчик.

— Не бойся, пока я здесь, никто не причинит тебе вреда. А сейчас нужно сдать кое-какие анализы. Ты мне веришь?

— Верю, — отвечал Кайн.

Врач снова поднял трубку телефона и вызвал в кабинет медбратьев.

— Пройди с ними, не бойся.

— Хорошо, — ответил Кайн.

Кайн с медбратьями направились в вирусно-инфекционное отделение, правда, не в ту палату, в которой лежала его мать, а в соседнюю. Врач и полицейский же остались в кабинете и начали бурное обсуждение происходящего.

— Что же там могло произойти? Возможно, взрыв какой-то биологической или бактериальной бомбы небольшого размера? Но кому это могло быть нужно, да и мальчик находился в мастерской и вовсе не пострадал... Что-то он скрывает! Я буду вынужден доложить своему руководству, уж они-то возьмут тут над всем верх, — громко восклицал усатый полицейский.

— Не торопитесь с выводами, господин полицейский. Возможно, это всего лишь ложная тревога, и никакой эпидемии нет. К тому же взрыва, насколько я уведомлён, никто даже не слышал. А значит, его и не было. Просто кто-то похулиганил, стёкла побил, и мальчик, я уверен, здесь абсолютно ни при чём.

— При чём? Ни при чём? Расследование покажет! Вы, кстати, уже изъяли у Герды платок со следами крови для экспертизы?

— Нет, господин полицейский, но, услышав слова Кайна, я как раз предполагал это сделать.

— Ваши эти предположения... Немедля изъять платок! И доложите тотчас о результатах экспертизы. А я направляюсь к руководству, найду общество поприятнее. Да и в вашем дальнейшем нахождении на посту главного врача больницы я уж очень сомневаюсь. Ещё нужно будет разыскать всех, кто был в школе в момент взрыва, ну уж этим я займусь сам.

— Сомневаться и разыскивать — ваша работа, господин полицейский, — сказал врач, затаив всё же какое-то волнение.

Полицейский встал из-за стола и со словами «можете не провожать» покинул кабинет. Врач же, лишь только собравшись отдать приказ об изъятии платка и проведении экспертизы, услышал стук в дверь. В кабинет вошла медсестра, которая приезжала в школу к Кайну.

— Вы меня вызывали? — спросила она, сняв медицинскую повязку с лица.

— Да, вызывал, — ответил врач, сразу же принявшись журить медсестру, однако ведя себя довольно сдержанно и культурно. — Что ж вы, работник медицины, а людям помочь в трудную минуту отказываетесь?

Медсестра уж было начала оправдываться, но врач чётко и ясно дал понять, что оправдания тут ни к чему.

— Вы здесь больше не работаете, завтра придёте за расчётом.

Врач всем своим видом показал медсестре, что она лишняя как в его кабинете, так и в больнице в целом, как вдруг опомнился:

— Ах да, вот ещё что. Пока вы ещё здесь, посетите вирусно-инфекционную палату и по приказу полицейского изымите у больной Герды голубоватый платок с вышивкой. И отправьте его на экспертизу, да поживее.

Приказ есть приказ, медсестра подчинилась. Она вышла из кабинета. По больнице в это время все ходили в медицинских масках, да не то чтобы ходили, а буквально бегали из палаты в палату.

— Ну заразились несколько человек, чего сразу панику-то поднимать? Никакая это не эпидемия...

С этими словами, не надевая медицинскую маску, медсестра вошла в вирусно-инфекционную палату, порылась в вещах Герды, нашла злополучный платок, поместила его в полиэтиленовый пакет и отнесла в экспертную лабораторию. После чего, что-то бурча себе под нос и преисполненная злости, покинула больницу.

Врачи в экспертной лаборатории принялись изучать следы непонятной жидкости на платке. Они брали различные образцы, помещали их в реагенты, проводили анализы и опыты. Наконец главный эксперт больницы заполнил лист и направился к главному врачу. Зайдя в кабинет, он взволнованно промолвил:

— Эпидемия! Вирус! Несомненно, вирус! Впрочем, структура жидкости, взятой на анализ, довольно странная. Я с таким за все годы своей работы никогда не сталкивался.

— Храни нас Господь, — тихо произнёс главный врач.

Эксперт положил на стол экспертный лист и покинул кабинет. Главный врач поспешил доложить о результатах экспертизы полицейскому и совершил ещё несколько звонков. К тому времени пациентов с подозрением на наличие вируса насчитывалось уже около десятка. Симптомы у больных были следующие: постоянная потеря сознания, общая слабость, жар, выделения непонятной жидкости из носа и рта, местами проявлялись оспа и волдыри.

У матери Кайна — Герды — симптомы были наиболее сильными. Бедняжка не приходила в себя, постоянно кашляла и захлёбывалась чёрно-бурой жидкостью. Ноги и руки её покрылись кровавыми волдырями и ранками. Врачи прилагали все возможные силы, чтобы спасти жизнь бедной Герды, однако как именно её лечить, никто и понятия не имел. Кайн же, запертый в другой палате и не имеющий возможности увидеть мать, которая находилась, казалось, так близко, не испытывал никаких симптомов болезни. Медицинский персонал всё кружил возле мальчика и постоянно брал какие-то анализы, при этом врачи постоянно спорили между собой и что-то обсуждали.

На следующий день к больнице подъехало пять или шесть дорогих автомобилей, которые сопровождали две полицейские машины. Из автомобилей начали выходить люди важного вида с дорогими медицинскими масками на лицах и направлялись в больницу. Полицейские же перекрыли все входы в здание и никого не впускали и не выпускали по приказу уже знакомого усатого полицейского, который сопровождал, по-видимому, своего начальника — прилежно одетого, статного мужчину. Все пошли в кабинет главного врача, однако в приёмной их встретила медсестра и сообщила, что врач обходит больных и изучает вирус. Начальник полиции приказал тотчас позвать его. Медсестра побежала за врачом. Через несколько минут вошёл главный врач больницы.

— Что же это вы нас ждать заставляете? — произнёс с иностранным акцентом уже немолодой, худой, высокий мужчина в плаще и круглых очках.

— А вы, собственно, кто будете? — возмущённо спросил врач.

— Это новый главный врач этой больницы, — строго произнёс один из мужчин. — А это приказ о вашем отстранении с поста главного врача за некомпетентность и допущение распространения вируса. Приказ из Министерства, разумеется, представителем которого я здесь и являюсь.

Мужчина передал уже бывшему главному врачу приказ и велел покинуть кабинет, да и больницу в целом. Однако новый главный врач настоял, что перед тем как отпустить бывшего руководителя, его нужно самого обследовать на предмет наличия вируса. Были вызваны санитары, которые доставили его в ту самую палату, где находился Кайн.

Мужчины в кабинете главного врача начали обсуждать причины возникновения вируса и придумывать решение — изначально хотя бы для недопущения его распространения, а уж потом для его излечения. При этом в кабинете находились различные специалисты по изучению вирусов, учёные и должностные лица. Новый главный врач уж было хотел предложить полностью изолировать больницу от посетителей и изучать уже заражённых, не допуская рас-

пространения вируса, как в кабинет зашла медсестра и сообщила, что возле больницы стоят пациенты с подозрением на наличие вируса, которых не пускают полицейские. Обсуждение в кабинете продолжилось. Теперь уже стало очевидно, что заразившиеся есть не только в стенах больницы. Было решено сделать из медицинского учреждения вирусно-инфекционный центр для оказания помощи лишь больным с симптомами вируса и изоляции всех, у кого могли подозревать наличие инфекции. На том и порешили.

Медицинский персонал тут же начал переоборудовать все палаты, а мужчины в кабинете главного врача по очереди, спешно стали набирать на телефоне различные номера, сообщать о результатах проверки, а также отдавать приказы. В больницу пустили больных с подозрением на вирус, работа пошла своим чередом. Некоторые мужчины начали покидать здание, в том числе и усатый полицейский со своим начальником. Некоторым учёным и специалистам по изучению вирусов было приказано остаться и продолжать дальнейшую работу в этой самой больнице.

Прошло несколько дней. Медицинский персонал теперь ходил в специальных защитных халатах и больших прозрачных масках-скафандрах, сделанных не то из прорезиненной ткани, не то ещё из чего-то, которые были доставлены после назначения нового руководителя. Вскоре сотрудники начали замечать, что Кайн, у которого изначально были обнаружены некоторые симптомы вируса, полностью здоров, чего уж никак не скажешь о других больных. Об этом немедленно доложили главному врачу. Тот лично вошёл в палату к Кайну, который уже успел более или менее поладить с бывшим главным врачом, всё ещё содержащимся в этой палате.

— Кто вы? — спросил Кайн у вошедшего худого мужчины в очках. — Что с моей матерью? Дайте уже мне её увидеть!

— Интересно, очень интересно... — задумчиво произнёс главный врач, даже не слушая слова и вопросы Кайна, который всё более рьяно продолжал расспрашивать о судьбе и здоровье своей матери.

— Санитары! — вдруг громко воскликнул врач, и в палату тут же вошли двое крепких санитаров, по виду напоминавших тех, которые приезжали к Кайну в школу. — Сопроводите молодого человека в специальную палату, нужно тщательно изучить его случай.

Два санитары взяли Кайна под руки и начали выводить из палаты. Кайн попробовал сопротивляться, однако один из санитаров так крепко схватил и сжал его руку, что вырваться было уж невмочь.

— Отпустите парня! — донёсся голос из-за полимерного полупрозрачного перекрытия. — Не трогайте его! — продолжал повторять тот же голос.

Главный врач заглянул за перекрытие и увидел бывшего главного врача.

— Вы всё ещё здесь?

— А где же мне быть, если вы же меня отсюда не выпускаете? Кайн — хороший парень. Немедленно сообщите, что с его матерью, как она?

— Приказывать уже не в вашей компетенции, — отрезал новый руководитель. — И вообще, ради вашего же блага, не становитесь для меня маленькой проблемкой, ибо я тут же с ней и разделаюсь.

Кайна повели в отдельную палату, которая всё больше была похожа на тюремную камеру, вот только абсолютно изолированную. По пути туда Кайн вновь попробовал вырваться, ведь проходили они аккуратно мимо палаты Герды, но крепкая рука санитары была неприступной крепостью. Теперь уж Кайн оказался заперт в четырёх стенах и чувствовал себя как раненый волк, обложенный флажками охотников. К Кайну зашёл главный врач и сообщил, что в мальчике, возможно, кроется разгадка и путь к исцелению от вируса, а возможно, он и сам является причиной возникновения эпидемии. Врач добавил, что Кайн будет находиться в этой самой палате так долго, сколько понадобится, и что лучше уж ему быть поговорчивее, а не то и хуже быть может. Дверь заперли, и Кайн вновь остался в одиночестве.

ГЛАВА 4. Трагедия, омытая кровью

Прошла уж неделя с того происшествия в школе. Беднягу Кайна держали взаперти и так и не пускали увидеться с матерью, более того, даже не говорили, как она себя чувствует. У Кайна лишь постоянно брали анализы, то и дело грубили, а на возмущения — угрожали. Да и Кайн уже смирился со своей участью, ведь в голову ему давно закралась мысль, что он — или какое-то зло внутри него — и есть причина возникновения вируса. Все последние прискорбные события начались как раз с момента, как Кайн увидел и почувствовал в себе непонятное существо. Но больше всего корил себя Кайн за то, что теперь его мать лежит на больничной койке, и всё это из-за него.

К тому времени мать Кайна и впрямь была в очень тяжёлом состоянии. Руки и ноги её уже покрылись глубокими ранами, которые, казалось, совсем не заживали, и кровь сочилась сквозь бинты, несмотря на все новые перевязки и обработки ран. Водной рябью волдыри начали появляться и на теле Герды, лишь прекрасное лицо женщины оставалось нетронутым заразой. Периодически проявлялось внутреннее кровотечение. В сознание Герда так и не приходила, лишь иногда бредила во сне, а постоянный жар уже едва удавалось сбить лекарствами.

В это время бывший главный врач — да чего таить, и некоторые другие работники больницы — тоже подхватили вирус. Бывшего главного врача перевели в палату к Герде, которую он иногда видел через перекрытие. Да и у самого бывшего руководителя дела шли не лучшим образом. Он уже едва вставал с кровати, но всё же пытался хоть как-то помочь Герде и поухаживать за ней.

И вот случилось ужасное. Один из больных, заражённых вирусом, скончался. Кем был умерший, сразу так и не удалось узнать, ведь медицинский персонал тщательно скрывал его данные. Известно было лишь, что это мужчина. Его завернули в брезент и тайком кремировали. По всей больнице из-за стремительно развивающейся эпидемии вспыхнула паника. Работники больницы, несмотря на свой долг, старались держаться подальше от пациентов и посещали их лишь в случае крайней необходимости для проведения обязательных процедур.

Число смертей росло. Кайн, сидя в полной изоляции, ничего об этом не знал. Он почти не разговаривал и едва притрагивался к безвкусной еде, которую ему приносили. Когда в очередной раз он держал тарелку пресного утиного супа, его рука вдруг дрогнула. Керамическая посуда упала на пол и разлетелась на осколки, разлив содержимое. В этот миг перед глазами Кайна промелькнули все счастливые мгновения детства, а грудь сдавило так, что стало трудно дышать.

В тот же самый момент его мать, на мгновение придя в себя, тихо, с последним вздохом прошептала:

— Кайн, я люблю тебя...

Так и ушёл из жизни самый дорогой для мальчика человек. Сам Кайн ещё ничего не знал, но сердцем почувствовал неладное. Когда примерно через полчаса в изолированную палату в очередной раз зашёл главный врач, Кайн спросил:

— Что с моей матерью?

На что главный врач лишь ехидно улыбнулся и ответил:

— Она там, где все мы однажды будем...

— Что вы улыбаетесь?! Моя мать... Она что, мертва? — дрожащим голосом произнёс Кайн.

— Мальчик, ты бы лучше о своей судьбе задумался, — холодно отрезал главврач. — Ты, похоже, не скоро отсюда выйдешь, да и кому ты теперь нужен? Мать твою, поди, уже в крематорий повезли. Да и с тобой, чертёнок, явно что-то неладное творится. В городе паника,

вирус начал распространяться повсеместно, кругом бесчинства. А твоя мать... Умерла — и ладно. Можешь поплакать, но этим уже ничего не изменить.

Из глаз Кайна покатались слёзы. Теперь он точно знал, что остался один на всём свете. Мальчика захлестнула неимоверная скорбь по погибшей Герде, однако неистовая ярость понемногу преодолевала все другие чувства. Кайн сжал кулаки что есть мочи. В его ладони каким-то образом оказался острый осколок разбитой тарелки. Напротив стоял врач и всё так же ехидно наблюдал за реакцией ребёнка, не обращая внимания на его руки.

Кайну до безумия захотелось стереть эту ухмылку с лица главврача, но противоречивые чувства на мгновение остановили его. Он ещё сильнее сжал кулак, порезав ладонь. Злобно уставившись на мужчину, мальчик слушал голоса в голове, которые не замолкали ни на секунду. Главный врач наконец заметил острый предмет в руках Кайна и резко выкрикнул:

— А ну живо брось! Ты что тут удумал?!

Посмотрев в глаза Кайна, главврач понял, что мальчик не шутит, и сам он оказался далеко не в безопасности. Мужчина начал медленно пятиться к выходу. Кайн так же неторопливо двинулся за ним. Испугавшись, врач выставил ладони перед собой и уже негромким, монотонным голосом принялся приговаривать:

— Спокойно, спокойно... Я сейчас уйду. А ты положи осколок, успокойся. Сейчас сюда придут санитары, и всё у тебя будет хорошо.

Однако Кайн уже ничего не слышал. Он поднял руку с осколком над головой, продолжая теснить врача к выходу. Когда главный врач оказался в дверном проёме и, решив, что почти спасся, расслабился, Кайн резко бросился на него. В голове мальчика крутилась лишь ехидная реакция этого человека на смерть матери. Кайн замахнулся осколком, целясь в голову. Врач инстинктивно уклонился, прикрываясь руками, и керамическое лезвие проскользило по его лицу, глубоко распоров левую щёку почти по всей длине. Очки главврача отлетели на пол, левый глаз тут же залило кровью, которая стремительно окрашивала всё вокруг. Врач от ужаса повалился на пол и истошно закричал, призывая на помощь.

К его счастью, рядом оказался тот самый крепкий санитар, который без труда справлялся с Кайном раньше. Но мальчик уже не мог и не хотел останавливаться. Он замер в дверях, опустив руку со злополучным осколком. Чужая кровь на одежде и лице словно опьянила его, а вид беспомощного, испуганного врага, в ужасе уползающего прочь, придавал сил и уверенности. Кайн чувствовал, как его тело наполняется неестественной мощью. Повернув голову к санитарю, он слегка ухмыльнулся, давая понять, что готов к бою. В лице главврача и этого санитара Кайн видел то самое зло, что сгубило его мать, и теперь точно знал, как поступить.

Крепкий мужчина на секунду замешкался, глядя на мальчика, но тут же ринулся в атаку. Однако Кайн лёгким движением свободной руки наотмашь толкнул санитаря, и тот, пролетев несколько метров, тяжело рухнул на пол. Мужчина не понимал, что происходит и как хрупкий ребёнок смог сбить его с ног с такой поразительной лёгкостью. Кайн спокойно направился к нему, перебирая в пальцах окровавленный осколок.

Подойдя ближе, он прыгнул на мужчину, заноса оружие, но санитар, собрав силы, резким ударом обеих ног отбросил мальчика от себя. Кайн снёс стоящие рядом носилки и какой-то медицинский инвентарь, но умудрился приземлиться на ноги, опёршись одной рукой о пол. Он тут же снова бросился на противника, который не ожидал такой молниеносной скорости и не успел выставить надёжную защиту. Кайн запрыгнул на санитаря сверху и принялся наносить множественные удары осколком. Мужчина закрывал лицо предплечьями, пытаясь сбросить мальчишку, но с каждым новым порезом терял всё больше сил.

Наконец Кайн нанёс роковой удар — прямо в шею. Кровь хлынула фонтаном, брызгая на стены коридора. Санитар отчаянно зажал рану руками, а Кайн с каким-то диким восторгом наблюдал, как жизнь покидает это тело.

В этот момент Кайн почувствовал сокрушительный удар по затылку и тут же рухнул на пол. Это был оклемавшийся главный врач: он сорвал с пожарного щита огнетушитель и что есть силы опустил его на голову мальчика. Подоспевшие на шум другие санитары по приказу врача первым делом связали и обездвигили Кайна, а уже потом бросились к лежащему коллеге. Однако спасти мужчину было поздно — он скончался. В его широко открытых глазах застыл смертный ужас.

Кайна утащили в абсолютно изолированный карцер. Стены, пол и потолок этой палаты были обиты мягким звукоизоляционным материалом. Никакой мебели внутри не было — лишь вмонтированный в пол упрощённый санузел и яркие, защищённые решётками лампы. Тяжёлая металлическая дверь, также обшитая изнутри, была укреплена дополнительными засовами, а единственной связью с внешним миром оставалось узкое окошко для подачи еды. Сам Кайн от удара и вколотой позже ударной дозы снотворного находился без сознания. Он ещё не знал, где заперт, и не до конца осознавал весь ужас содеянного. Главный врач, едва ему оказали первую помощь, незамедлительно сообщил о происшествии в полицию.

Спустя некоторое время в больницу лично прибыл начальник полиции в сопровождении нескольких подчинённых, среди которых был и усатый полицейский — уже постоянный гость в этих стенах. Увидев изуродованное лицо главврача, прибывшие ужаснулись.

— Что у вас здесь произошло? — хмуро спросил начальник полиции.

— Это всё этот чёртов мальчишка... — прохрипел врач.

— Неужто тот самый, который вроде как виновен в начале эпидемии? — перебил его удивлённый усатый полицейский.

— Да, это он... Кайн... — подтвердил главврач.

— Что ж, Кайн так Кайн. Вы сообщали об убийстве, а я пока вижу только ваше порезанное лицо, — строго заметил начальник полиции.

— Да-да, идёте же, я вам всё покажу и расскажу. Рана на моём лице глубокая, мне самому нужна полноценная помощь хирургов, но я решил дождаться вас и показать всё лично, чтобы не терять драгоценного времени.

Главный врач повёл полицейских в палату, куда доставили для реанимации уже бездыханного санитаря. По пути он бурно обсуждал с ними произошедшее, активно жестикулировал и осыпал Кайна проклятиями.

Придя в палату, полицейские приступили к осмотру тела. Начальник полиции нахмурился:

— Неужели всё это сделал мальчишка?

Главный врач лишь безмолвно кивнул — перед его глазами снова промелькнула та кошмарная сцена.

Следователи задали ещё несколько вопросов, выясняя подробности и точное местонахождение Кайна, после чего вся группа направилась к месту происшествия. Пока подчинённые продолжали осмотр коридора, начальник полиции и главный врач удалились в кабинет для конфиденциального разговора.

— И насколько этот поганец заразен? — спросил начальник полиции, устраиваясь в кресле.

— Пока трудно сказать наверняка, — развёл руками главный врач.

— Вас сюда назначили, чтобы вы разобрались в причинах возникновения вируса, а вы только руками разводите, — строго заметил полицейский. — Парень вам ещё необходим для работы, непосредственно касающейся инфекции?

— Мне в любую минуту могут понадобиться свежие образцы его тканей или анализы, — ответил врач с серьёзным видом. — К тому же у меня теперь с этим мелким засранцем свои счёты, и я хотел бы лично продолжить работу с ним. Однако он совершил убийство. Полагаю, в таком случае его положено перевести в специальное учреждение? Не так ли?

Полицейский ненадолго задумался, барабанив пальцами по столу, а затем ответил:

— Что ж... Пока существует риск распространения вируса, ни в какое другое учреждение, кроме вашей больницы, парня не примут. А впрочем, есть у меня одна мыслишка... Вы ведь сказали, что вся сегодняшняя ситуация закрутилась после смерти его матери? И других родственников у него нет?

— Нет, — подтвердил врач.

— Выйдите из кабинета. Я позову вас, — вдруг строго приказал начальник полиции, указав рукой на дверь и бесцеремонно выпроваживая хозяина кабинета.

Врач послушно вышел. Начальник полиции потянулся к телефонному аппарату и совершил несколько звонков. Спустя пару минут он, не кладя трубку, позвал главного врача обратно и жестом пригласил его к телефону. Приняв трубку, главврач сначала пытался было возмутиться, но по мере разговора его лицо менялось, и он лишь послушно закивал. Наконец он закончил беседу, вернул трубку на рычаг и, повернувшись к начальнику полиции, растерянно произнёс:

— Неужели так можно поступать? Разве это не карается законом? Как вообще такое проверить? Мне сказали, что вы мне всё объясните.

Начальник полиции холодно усмехнулся:

— Значит, слушайте внимательно и задавайте меньше вопросов. Закон здесь представляю я. Все необходимые распоряжения сверху вы только что получили. Поступать будем следующим образом: мальчишку оставляете здесь. Держать будете в той же секретной палате. Доступ персонала к ней максимально ограничить, доступ других больных — категорически запретить. Всю медицинскую документацию, касающуюся Кайна и его матери, изъять и поместить в секретный архив.

Что касается сегодняшней трагедии: мальчик напал на вас и на санитар; санитар, защищаясь, схватил огнетушитель и на последнем издыхании ликвидировал нападавшего, после чего скончался от полученных ран. Так как парень был заражён опасным вирусом, его тело следовало немедленно кремировать. Считайте, что вы это уже сделали. Необходимые бумаги подготовите в кратчайшие сроки. Вы продолжите исследовать вирус, имея прямой доступ к «нулевому пациенту». В случае разглашения любой информации — отвечаете головой. Отныне мальчика официально больше нет, он мёртв. А сейчас мы обсудим круг лиц, которые будут допущены к работе с ним.

Главный врач понимал, что обратного пути нет. Страх перед законом отступал перед жгучим желанием лично отомстить мальчишке, заставив того прочувствовать ту же боль, что перенёс он сам. Они с начальником полиции принялись детально обсуждать все нюансы заговора. Так Кайна официально не стало для всего мира. Осталась лишь живая тень в незаконном, вечном заточении.

Тогда юный Кайн ещё не знал, что у его единственного школьного друга Шарпа как раз в эти дни рушилась семья. Родители Шарпа развелись — именно поэтому мальчика в день катастрофы вызвали к директору. Выяснилось, что муж его матери не являлся его биологическим отцом, что после долгих сомнений мужчина подтвердил тест на отцовство. Шарп с матерью спешно переехали в другую часть города Райских Птиц и навсегда затерялись в суе огромного мегаполиса...

Первым пациентом, скончавшимся от вируса, стал мистер Бэкендж, который первым же и попал под волну исходящего от Кайна первородного зла. Бедняга так и не пришёл в себя после инцидента в мастерской, а его кончина была мучительной и долгой.

Миссис Дэрэнджер и миссис Ольшенс через несколько дней после начала эпидемии также оказались на больничных койках со схожими симптомами. Миссис Дэрэнджер отчаянно цеплялась за жизнь, и врачам даже показалось, что она пошла на поправку. Однако болезнь слишком сильно истощила её организм, и в какую-то из ночей женщина просто уснула вечным

сном. Миссис Ольшенс же умирала в страшных муках, и в редкие моменты, когда к ней возвращалось сознание, она что есть силы проклинала Кайна, виня его во всех бедах.

А вот изрядно навредившая Кайну медсестра, на удивление, не выказывала никаких симптомов заражения. Будучи со скандалом уволенной из больницы, она вернулась в свою небольшую уединённую квартирку, где жила вдвоём с любимой собакой, и решила без лишней спешки начать жизнь с чистого листа. Однако неудачи настигли бывшую сотрудницу немедленно.

Пока хозяйки не было, пёс в поисках лакомства разбил стоявшую на столе банку с вареньем, и липкая масса растеклась по полу гостиной. Вошедшая в комнату медсестра в полумраке не заметила следов собачьей проделки. Шагнув на скользкое пятно, она потеряла равновесие и со всего размаху рухнула на пол.

Кое-как придя в себя, женщина на четвереньках добралась до дивана и, взобравшись на него, принялась оценивать последствия падения. Нога дико ныла. Не имея ни малейшего желания снова возвращаться в ненавистную больницу, медсестра убедила себя, что это всего лишь сильный ушиб, и ничего серьёзного случиться не могло. Решив просто отлежаться, она прикрыла глаза и вскоре забылась тяжёлым, нездоровым сном.

В это время на улице разыгралась сильная непогода. Мощный порыв ветра обломил ветку росшего под окнами дерева, и та упала прямо на провода, оборвав телефонную линию. Медсестра об этом, разумеется, не знала.

Проснувшись через несколько часов, она ощутила невероятную, парализующую слабость и с ужасом поняла, что злоеший вирус всё-таки добрался и до неё. Женщина потянулась к телефону, но трубка ответила мёртвой тишиной — связь отсутствовала. В панике она попыталась подняться, оперлась на повреждённую ногу, но та, как оказалось, при падении была сломана. От резкой невыносимой боли женщина снова рухнула на пол. Под весом её тела острые обломки костей сместились и, подобно копьям, пробили плоть изнутри. В разные стороны брызнула кровь, мгновенно заливая ковёр. Теряя сознание, женщина заметила, как её пёс, испугавшись её падения, отпрянул от лужицы варенья, которую до этого мирно слизывал.

Очнувшись через какое-то время, медсестра попробовала позвать на помощь. Но организм, ослабленный потерей крови и стремительно развивающимся вирусом, отказывался повиноваться. Она не могла не то что ползти, но даже просто кричать. В отчаянной попытке она выдавила из себя:

— Помогите... На помощь... — и снова лишилась чувств.

К несчастью, её слабый хрип никто за стенами квартиры не услышал. Голодный пёс, долизав остатки сладкого варенья с пола, подошёл к раненой хозяйке. На её разорванной ноге тоже остались сладкие следы, перемешанные со свежей кровью. Любопытство и нарастающий голод животного взяли верх. Собака принялась лизать ногу, слизывая липкий сок и успевшую загустеть кровь.

Медсестра очнулась от резкой, раздирающей боли. С трудом сфокусировав взгляд, она с ужасом увидела, что любимый питомец яростно треплет её за покалеченную конечность, пытаясь вырвать кусок мяса. Сил хватило лишь на то, чтобы слабо оттолкнуть животное здоровой ногой, после чего сознание снова покинуло её.

Когда она в очередной раз открыла глаза, пёс сидел чуть поодаль и что-то увлечённо грыз. Присмотревшись, женщина похолодела от неопишуемого кошмара: собака обгладывала её собственную, оторванную по щиколотку стопу. Медсестра в ужасе вздрогнула. Заметив движение, обезумевшее животное ошетинилось, глухо зарычало и медленно направилось к ней.

Глаза женщины снова закрылись. Пёс, опьянённый вкусом тёплой человеческой плоти, больше не узнавал в лежащем существе свою хозяйку. Для него она стала просто добычей, куском мяса, который можно было поедать живьём. Жизнь стремительно покидала истерзанное тело медсестры, но её мучения не прекращались ни на мгновение.

Когда она в самый последний раз открыла глаза, прямо перед её лицом оказалась оскаленная, окровавленная морда зверя, готового к финальному броску. Заглянув в безумные глаза хищника, медсестра с леденящим душу осознанием безысходности увидела нечто необъяснимое. Через зрачки обезумевшего животного на неё смотрел тот самый мальчишка, которому она когда-то так безжалостно отказала в помощи. Этими безжалостными, пожирающими саму её душу глазами на неё смотрел Кайн.

Стальные тиски собачьих зубов с хрустом сомкнулись на её горле. Всего несколько предсмертных судорог — и жизнь окончательно покинула женщину, успевшую перед смертью осознать всю ничтожность своей сущности и неотвратимую вину перед Кайном.

Страшно даже вообразить, какая ужасная участь ждёт остальных обидчиков мальчика. Многие из них пока ещё спокойно живут, не ведая грядущего горя и зла, а чьи-то пути просто ещё не пересеклись с тяжёлой, проклятой долей юного Кайна.

ГЛАВА 5. Возводя стены

Город Райских птиц заполонил недуг. Некоторые жители некогда красочного города успели выехать до распространения инфекции, другие же большей частью находились дома и старались не выходить без острой необходимости.

В связи со стремительным распространением вируса властями было принято решение изолировать весь город, организовав военные посты на всех возможных въездах и выездах. Сначала на каждом таком посту дежурили медицинские работники, которые, руководствуясь распоряжением властей, обследовали всех въезжающих и выезжающих, а после город сделали полностью закрытым.

Некогда чистые и прилежные улицы теперь были больше похожи на пустырь. Вместо приветливого, дружелюбного населения на улицах можно было увидеть лишь грязь, мусор, оставленные ненужные вещи, а также трупы. Очень много трупов. Смердный запах стоял повсюду, и без специальных защитных масок дышать, казалось, было уже невозможно. Почти все чиновники своевременно покинули город, полиции и военных в черте города практически не было. Лишь редкие гуманитарные конвои время от времени проезжали по улицам: люди в защитных костюмах оставляли под дверями жителей те или иные продукты. Жители города Райских птиц обнищали, все имеющиеся запасы еды были истощены, а гуманитарной помощи не хватало даже для того, чтобы элементарно выжить. Национальная валюта в городе практически обесценилась, и большая часть сделок между жителями происходила путем бартера, в котором больше всего начали цениться консервированные продукты питания.

Самые отчаявшиеся горожане, преследуемые чувством голода, начали промышлять воровством и грабежами. Истощенные люди, казалось, уже могли убивать друг друга за заплесневелый кусок хлеба. Организовывались банды и преступные группировки. Самые же крупные из них под видом добровольцев и волонтеров втирались в доверие к военным с якобы благими намерениями — помочь в доставке гуманитарных грузов населению. Этот груз они попросту воровали и распределяли между членами своих группировок, а оставшиеся продукты продавали жителям города за непомерную плату. Город поглотил хаос.

Власти Нортрии не имели какой-либо достоверной информации о ситуации, которая в действительности происходила в городе Райских птиц, в связи с тем, что как таковых органов местного самоуправления здесь не осталось, а органы исполнительной власти свою прямую деятельность не осуществляли. Разумеется, власть имущие понимали, что в городе имеется ряд трудностей, с которыми жители сталкиваются изо дня в день. Однако чиновников больше всего беспокоил вопрос пресечения распространения вируса за пределы населенного пункта. В связи с этим было принято трудное и довольно спорное решение — возвести сплошное заграждение вдоль всего периметра города. Также было решено городскую больницу, которая уже была перепрофилирована под инфекционный центр, сделать военным объектом с соответствующими охранными мерами и дальнейшим принудительным доставлением и лечением в ней всех лиц, у которых было выявлено подозрение на заражение вирусной инфекцией. Многие жители Нортрии восприняли такое решение как геноцид против населения города Райских птиц, устраивая различные протесты и пикеты.

Несмотря на все препятствующие факторы, подготовка к строительству оградительной стены шла полным ходом, к границам свозились различные строительные материалы. Однако найти рабочих, которые бы согласились трудиться в непосредственной близости к изолированному городу, оказалось не такой уж простой задачей. В связи с этим было принято решение задействовать в возведении стен самих жителей города Райских птиц, которых должно было постоянно контролировать военное сопровождение. Такие жители пользовались бы особыми привилегиями и щедро обеспечивались бы продуктами питания и иными благами.

Ранним утром в город Райских птиц заехала военная колонна, состоящая из грузовых автомобилей, предназначенных для перевозки людей, а также нескольких военных внедорожников. Колонна остановилась на центральной площади, аккурат неподалеку от городской больницы. Один внедорожник подкатил к самому входу: из него вышли военные, среди которых, по-видимому, были лица, руководящие проектом возведения стен и перепрофилирования больницы. Они направились в здание для организации работы. Другие же внедорожники со специальными громкоговорителями разъехались по улицам города, зазывая всех желающих для проведения работ.

— «Жители города Райских птиц, вам предоставляется уникальная возможность обезопасить себя и других жителей Нортрии от вируса. Мы возводим оградительную защитную стену вокруг города, все желающие получить работу, проследуйте на центральную площадь. Все рабочие будут щедро вознаграждены, а именно: будут ежедневно получать еду, воду и все необходимые припасы».

С такими лозунгами по городу не спеша проезжали автомобили. Находящиеся в них военные с ужасом наблюдали за видом, открывающимся из окон. При этом в глазах молодых солдат можно было увидеть страх и панику; более опытные коллеги успокаивали их и пытались придать уверенности, однако сами были испуганы не меньше. Вид одичавших людей в условиях современности, а также осознание того, что их бросили на произвол судьбы, повсеместная преступность и смерть — не лучшее зрелище. Об увиденном военные докладывали своему руководству, то в свою очередь — своему. Таким образом, четкая картина происходящего в городе дошла и до властей Нортрии, которые начали размышлять, как наладить нормальную жизнь в городе Райских птиц.

Проехав несколько кругов по большей части города, военные внедорожники вернулись к центральной площади. Спустя время туда начали стягиваться истощенные жители. Каждый из них в попытках всячески защититься от вируса предварительно изготовил средства индивидуальной защиты собственного образца. Чаще всего это были куски ткани или элементы одежды, закрывающие лицо; многие также надевали очки для защиты глаз, так как никто из простых людей толком не знал, каким именно способом передается вирус. Многие из этих людей, к слову, уже имели не ярко выраженные симптомы заражения.

Собрав добровольцев, военные начали распределять их по отрядам и бригадам. Каждая из таких бригад получала отдельные задачи на четко определенных участках. К каждой группе прикреплялся отряд военных, которые контролировали деятельность рабочих и препятствовали самовольному покиданию рабочих мест, а главное — пределов города. Так началось строительство стены.

Стена представляла собой нехитрую конструкцию из блочного кирпича и укрепляющих балок, которую, казалось бы, не сложно преодолеть, однако на участках, где строительство было закончено, тотчас выставлялись военные посты, напоминающие пограничные. Рабочие понимали, что власти оставили попытки спасти жителей и теперь их же руками изолируют город Райских птиц от всей остальной Нортрии, однако что им оставалось делать? Рабочих обеспечивали едой и чистой водой, давали различные припасы, как и было обещано, однако все же не в том количестве, чтобы всецело обеспечить себя и членов семьи всем необходимым. Возможно, в связи с этим некоторые рабочие пытались бастовать, а некоторые и вовсе пытались покинуть город. Однако военные были непоколебимы и в любой возникшей ситуации, в соответствии с возложенными на них полномочиями, без зазрений совести — пусть и редко, но все же — применяли оружие.

Так день за днем, неделя за неделей продолжалось возведение стены. Военные получали все больше полномочий и становились, казалось, властью в единственной инстанции. Однако вместо того, чтобы восстановить порядок в черте самого города, они лишь контролировали его границы и не выпускали оттуда никого — теперь уже любой ценой. В самом же городе

воцарилось беззаконие. Стремительно развивающиеся преступные группировки пытались осуществлять контроль над теми или иными районами. Тех, кого не убивал вирус, могли убить члены банд. Такие убийства были нередким зрелищем, и зачастую нападениям подвергались те самые рабочие, которые возвращались с возведения стены, так как возвращались они не с пустыми руками. В некоторых частях города пришедшие с работ должны были сначала явиться к лидерам преступных группировок, чтобы отдать часть заработанных продуктов и тем самым обеспечить свою безопасность. Однако даже в таком случае полной безопасности гарантировать никто не мог: члены банд, которые ухитрились разжиться огнестрельным оружием, могли без согласования с кем-либо врываться в жилища, разграблять их, а иногда и убивать хозяев, чтобы насытить свой желудок или удовлетворить иные потребности.

Таким образом, беззаконие в городе процветало, а провозглашавшие себя властью руководители преступных группировок какого-либо порядка обеспечить не могли. К тому же одни свергали других, и верхушка банд все время менялась. Некоторые группировки с целью усилить свое положение осуществляли нападения на военные автомобили, конвои и посты, чтобы разжиться оружием. Зачастую такие налеты заканчивались полным уничтожением преступников, однако изредка они все же увенчивались успехом.

На территории города Райских птиц, в одном из отдаленных районов, находилась старая войсковая часть. Ранее она практически не функционировала, так как никаких боевых действий Норттрия не вела, выбирая политику нейтралитета в мировых конфликтах. В этой войсковой части, впрочем, находился довольно значительный склад боеприпасов и вооружения, которое к тому времени хоть немного и устарело по сравнению с современными аналогами, но в умелых руках было способно дать достойный отпор. К тому же складское хранение обеспечило оружию практически заводской вид. Склад и сама территория ранее тщательно охранялись, но более войсковая часть никаких функций не осуществляла, а после появления вируса власти Норттрии, казалось, и вовсе забыли о существовании военного объекта в черте города.

Военные, которые на момент начала эпидемии находились в части, были немногочисленны, но все же продолжали нести службу. Когда несколько солдат заразились, командир неоднократно докладывал вышестоящему руководству о необходимости пополнения штата, однако получал туманные ответы в духе «нужно держаться в столь сложное время». Вскоре после этого командир под видом отъезда на доклад к руководству эвакуировался из города и больше в нем не появлялся.

Оставшиеся на произвол судьбы солдаты, несмотря на всю сложность ситуации и смертоносные последствия вируса в собственных рядах, все же продолжали оборонять объект. Они неоднократно пытались связаться с командованием, но эти попытки не приносили результата, а позже в городе Райских птиц и вовсе пропала телефонная связь. Что послужило причиной — неполадки из-за отсутствия обслуживания линий или механическое повреждение, — так и не установили. Спутниковая связь в части отсутствовала, и военные окончательно лишились возможности связаться с внешним миром.

К моменту, когда одна из преступных группировок, позже получившая название «Крылья», решила совершить нападение на войсковую часть, в живых там оставалось всего десять солдат, причем не все из них были здоровы. Руководитель банды, Джо Коуэл, ранее занимал незначительную административную должность в правительстве города. Несмотря на молодость, он обладал выраженными лидерскими качествами и непомерными амбициями. Джо собрал вокруг себя крупную группировку, насчитывавшую почти тридцать человек, и на тот момент уже контролировал несколько городских кварталов. Коуэл сумел вооружить половину своей банды гладкоствольными ружьями и револьверами, остальные же были снабжены холодным оружием.

Направившись к части, Джо выбрал агрессивную тактику штурма через центральные ворота. Коуэл усадил людей в большой автобус и минивэн, в котором ехал сам. Автобус должен

был протаранить ворота, после чего нападавшим следовало рассредоточиться по территории, обезоружить или уничтожить военных и взять объект под полный контроль.

Разогнавшись что есть мочи, груженный бандитами автобус врезался в ворота воинской части, следом за ним шел минивэн. К разочарованию Джо Коуэла, ворота не были выбиты полностью, а лишь частично разрушились, но этого хватило для проникновения на территорию. Вблизи въезда находилось здание контрольно-пропускного пункта, где дежурили двое военных, вооруженных автоматами. Один из них, увидев идущих на штурм вооруженных людей, незамедлительно открыл предупредительный огонь в воздух. Однако один из членов «Крыльев» предупредительным выстрелам обучен не был: он вскинул оружие и ответил выстрелом, попавшим точно в голову солдата. Второй военный дал нападавшим достойный отпор, ненадолго приостановив их продвижение и ликвидировав несколько преступников. Но, не имея при себе достаточного количества боеприпасов, он попытался забрать магазины у погибшего товарища и в этот момент также был убит.

Несмотря на заминку у ворот, захват КПП прошел для Джо Коуэла успешно, к тому же теперь у самого Джо и еще одного бандита появилось две единицы автоматического оружия. Захватчики двинулись вглубь территории, где натолкнулись на два очага сопротивления. Первый находился возле склада вооружения: услышав выстрелы, дежуривший там боец отпер склад, наспех вооружился до зубов и занял выгодную позицию для обороны. Вторая точка сопротивления ждала банду в казарме, где забаррикадировались остальные солдаты. У них была лишь одна винтовка и несколько десятков патронов, однако сдаваться без боя они не собирались.

К складу вооружения направились пять членов банды, каждый из которых имел при себе огнестрельное оружие. Но стоило преступникам приблизиться, как оборонявшийся открыл по ним шквальный огонь, уничтожив двоих и легко ранив третьего. Оставшиеся бросились искать укрытие за находившимися неподалеку объектами и открыли ответную стрельбу. Военный, будучи должным образом обученным, при малейшей возможности бил на поражение. Спустя примерно пятнадцать минут четверо нападавших были ликвидированы. Пятый все еще продолжал отстреливаться, и одна из его пуль достигла цели, ранив храброго солдата в плечо.

Тем временем остальная часть банды во главе с Джо Коуэлом и вторым новоиспеченным автоматчиком штурмовала казарму. Не успели бандиты подойти к зданию, как по ним открыли одиночный прицельный огонь из окна второго этажа. Стрельбу доверили старшему сержанту — одному из самых метких стрелков. Из оставшихся в казарме солдат двое были без сознания, а еще двое едва передвигались, борясь со страшным вирусом.

Этот стрелок знатно потрепал нервы Коуэлу. Каждый его выстрел либо находил цель, либо ложился в опасной близости от нападавших. Банда была деморализована и не могла подобраться к входу; к этому моменту они потеряли уже около половины группы. Не зная точной численности военных в казарме, их вооружения и запаса патронов, бандиты в панике начали отступать. Один из преступников бросился бежать, и отчаявшийся Джо Коуэл дал по дезертиру очередь из автомата — тот замертво упал на землю.

Джо яростно приказал оставшимся немедленно продвигаться к дверям. Подчиняясь приказу, бандиты короткими перебежками двинулись вперед, ведя беспорядочный огонь по окнам.

Сержант в казарме сделал еще несколько выстрелов, ни один из которых, однако, не зацепил цель, и заметил, что у него осталось всего три патрона. Он уже собирался покинуть огневую точку у окна и занять позицию на лестничной площадке, так как первые бандиты ворвались в здание, но вдруг заметил на улице Джо Коуэла. Опознав в нем лидера нападавших, сержант решил ликвидировать его во что бы то ни стало. Военный глубоко вздохнул, сосредоточился и поймал Джо на мушку, ведя оружие по траектории его движения. Палец на спусковом крючке плавно напрягся. Прогремел выстрел, который должен был решить исход этого противостояния.

Пламя и пороховой газ вырвались из дула винтовки, вытолкнув закрученную нарезами ствола стремительно летящую пулю, которая со свистом рассекла воздух. В этот момент Джо перебежал от одного укрытия к другому на пути к казарме. Он повернул голову в сторону окна, откуда велся огонь. Увидеть вспышку и предпринять что-либо до того, как пуля преодолеет это расстояние, Коуэл уже не мог, однако какая-то сила заставила его на долю секунды замереть. Пуля прошла чуть ниже скулы лидера «Крыльев», разорвав левую щеку и сорвав с лица импровизированную защитную маску. Джо инстинктивно рванулся вперед и, оказавшись внутри здания, упал на колени, схватившись за истекающее кровью лицо.

К тому времени бандиты уже поднялись на второй этаж. Впереди шел человек с трофейным автоматом. Старший сержант, потративший драгоценное время на устранение главаря, не успел занять выгодную позицию в расположении и встретил противника на пути к укрытию. Он успел сделать один точный выстрел в грудь шедшего первым бандита. Падая, тот зажал спусковой крючок, и автомат выдал длинную беспорядочную очередь — несколько пуль поразили старшего сержанта, и он замертво упал на пол. Забежавшие следом нападавшие открыли шквальный огонь, добивая оставшихся солдат одного за другим, включая тех, кто беспомощно лежал на койках, разбитый вирусом.

Услышав стихающую перестрелку, Джо Коуэл поднялся и быстро взбежал на второй этаж. Увидев, что сопротивление подавлено, он приказал немедленно прекратить огонь. В живых остался лишь один военный, оказавшийся офицером. Коуэл принялся допытываться у него, сколько еще солдат находится на территории. Офицер сначала наотрез отказывался отвечать, но после того, как раненый и разъяренный Джо выстрелил ему в ногу, истощенный вирусом пленник сломался и рассказал все. Офицер также поведал, что помимо оружия в части находится склад с продовольствием, где хранятся внушительные запасы консервов. Доносившиеся с улицы редкие выстрелы напоминали, что один защитник все еще держит оборону у оружейного склада. Джо решил использовать пленного. Под угрозой смерти офицера заставили приказать последнему солдату сдаться. Прикрываясь заложником, бандиты подошли к складу. Оборонявшийся боец, получив прямой приказ раненого командира, неохотно вышел наружу и бросил оружие. Джо Коуэл тут же хладнокровно расстрелял и его, и офицера.

Потеряв двадцать четыре человека, Джо Коуэл с горсткой уцелевших приспешников стал единоличным хозяином всей войсковой части. Рассматривая захваченные трофеи, раненый главарь видел перед собой огромные перспективы и уже представлял весь город Райских птиц у своих ног.

Находившиеся в городе патрули, прибывшие для организации строительных работ, слышали эту затяжную перестрелку. Решив, что в бой ввязались их коллеги, они выдвинулись на звуки, но, обнаружив, что стычка происходит на территории полузаброшенного военного объекта, ввязываться не стали. Они доложили по рации местному руководству, а те по спутниковой связи связались со штабом Нортрии. Из центра пришел четкий приказ: в бой не вступать. Распоряжение было выполнено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.